

"Комсомольская правда"
Москва, 11.I.1954, с. 4.

Сцена из спектакля.

ВСЕГО несколько спектаклей назад роль Гамлета в Театре драмы им. Маяковского начал исполнять Михаил Козаков. Имя это стало нам известно совсем недавно — с выпуска фильма «Убийство на улице Данте». В нем молодой актер, тогда еще студент школы-студии МХАТ, играл Шарля Тибо — очаровательно легкомысленного юношу в начале

неудаче режиссер мог и отказаться от эксперимента. Но тем не менее нельзя не отдать должного Н. Охлопкову. Сыграть роль Гамлета в расцвете творческих сил — сколько молодых тщетно мечтали и мечтают об этом! В обосновании отказа у старших всегда много резона: и опыт невелик, и истинное понимание великих творений приходит лишь с года-

2333

НОВЫЙ ГАМЛЕТ *Дневник искусств*

картины, предателя и убийцу собственной матери — в конце ее. Скажем прямо: Шарля Козаков сыграл так, что трудно было угадать в актере будущего принца датского. Неопытному юноше было не под силу выйти из-под влияния блестяще-холодной манеры, которая царствовала в картине М. Ромма. Не виден был Гамлет и в выпускных спектаклях школы-студии. И только зоркий глаз мастера смог распознать то истинное, что составляло природу актера, и дать этому истинному свободно проявить себя...

Прямой риск, на который шел Н. Охлопков, вводя М. Козакова в свой крепкий, спаянный спектакль, был невелик. В крайнем случае при

ми... Но, право же, больше, чем резона, в таких рассуждениях — недоверия и, главное, нежелания тратить силы и энергию, возможно, напрасну.

И вот двадцатитрехлетний Гамлет. Гамлет, а не робкая, ученическая попытка сыграть его.

Каков же он, новый Гамлет?

Поначалу трудно ответить на этот вопрос. М. Козаков появляется на сцене, повторяя и внешний рисунок и даже чуть ли не интонации первого исполнителя — Е. Самойлова. Но так лишь поначалу. Чем дальше идет спектакль, тем отчетливей различие двух замыслов, различие настолько явное, что не может быть и речи ни о каком копировании, повторении уже раз созданного.

Гамлет М. Козакова очень юн и очень современен. Ему, конечно, меньше тридцати, хотя на тридцати и настаивает Шекспир. Молодость Гамлета сказывается во многом и прежде всего — в обостренной реакции на окружающее. Он, например, не может сдержать своего отвращения к Клавдию даже тогда, когда по собственному замыслу не должен его обнаруживать. Посмотрите только, как он, не считаясь с демонстративностью жеста, каждый раз буквально уходит от «дружественно» протянутых к не-

му рук Клавдия. Или как ведет себя в сцене «Мышеловки». Его хохот в ответ на двусмысленные реплики короля — не хохот сообщника, хоть Гамлет и притворяется таковым; он звучит предостерегающе...

Однако эта нетерпимость — следствие не одних лет, но и характера. Гамлет, каким его играет М. Козаков, энергичен, полон сил и благодаря жизненным обстоятельствам человек, сделавшийся злым. Пусть не смущает вас это слово, так мало применимое к Гамлету. Чувство это — тот первый яд, который с первыми разочарованиями проник ему в сердце и укрепился в нем.

Итак, энергичный, волевой, несдержанный и даже злой Гамлет. Как сочетать все это с мировой скорбью и пессимизмом, ему присущими? Может быть Н. Охлопков и М. Козаков дают приглушенно эту тему? Нет. Трагедия звучит в полный голос, но это не трагедия человека, главное для которого сомнения, разлагающие его самого. Гамлет М. Козакова меньше думает о себе, больше — о человечестве. О всех тех людях, которые вступают в жизнь полные самых романтических представлений о ней и вдруг убеждаются в существовании зла, которое требует либо компромисса, либо борьбы с

ним. Убеждаются самым грубым, реальным, жестоким способом — по крайней мере Гамлет убеждается так, и это рождает в душе его неверие. Иным стал характер героя, и оттого иначе звучат многие сцены спектакля, в том числе такая, как сцена в спальне королевы. В ней теперь почти нет тех лирических мотивов, которые так сильно были выражены Е. Самойловым: при всем презрении к Гертруде ему было жалко ее. Глядя на М. Козакова, мы все время слышим предостережение старого короля: «...не умышляй на мать свою...» А первый разговор с Офелией? Лишь на минуту отдается Гамлет радости встречи. Достаточно малейшего подозрения, чтобы вызвать его гнев. Снова и снова, с какой-то даже радостной яростью убеждает-ся он в предательстве окружающих. Убеждается, но не сдаётся. Яд злости, который проник ему в сердце, ожесточил, но не переродил его. Рядом с неверием, горьким юношеским цинизмом живет в нем огромная жажда добра и справедливости. Ей нужно дать лишь выход — и тогда она преобразует мир...

Финал трагедии — прозрение героя. Он сам останавливает руку Горацію, чтобы тот мог поведать людям печальную повесть о принце датском. Развязка роли, предложенная М. Козаковым, менее гармонична. Ему еще трудно овладеть страстями, бурующими его героя. Что же, это придет. Ведь есть главное — есть Гамлет.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.